

Н. Н. Запольская
(Москва)

Графико-орфографические представления Крижанича

Славянская лингвистическая рефлексия XVII в. была мотивирована концепциями духовного универсализма, имевшими разное смысловое наполнение и разную лингвистическую реализацию в славянском мире.

В культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*, сохранившем «чистоту» веры и устойчивое бытование церковнославянского языка как «общего» литургического и книжного языка православного славянства, наблюдалось движение от концепции православного изоляционизма к концепции православного (греко-славянского) универсализма. В Московской Руси понимание необходимости поддержания *правильности* («сло/авенского»), т. е. церковнославянского языка, обусловило распространение грамматических сочинений, прежде всего исправление и издание в 1648 г. грамматики Мелетия Смотрицкого («Грамматѣки Славѣнскаѣ правннѣе Сѣнтагма») 1619 г.), а также проведение книжной sprawy, демонстрировавшей концептуально мотивированное движение от воспроизведения «своей» славянской языковой традиции до буквального следования греческим языковым образцам (см. подробно: Запольская 2003, 45–96; 2003а).

В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* реализовалась концепция христианского универсализма, поскольку в системе мыслимого Римом конфессионального подчинения «греческого» мира «латинскому» важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Проведение «глобальной Унии», фрагментом которой являлась Брестская уния, требовало единообразия славянских церковных книг, которые должны были быть написаны не только на *правильном*, но и на *понятном* церковнославянском языке. По поручению Конгрегации пропаганды святой веры в 40-х гг. XVII в. в Риме хорватским монахом Рафаелем Леваковичем была предпринята книжная справа хорватских глаголических богослужебных книг южного-западнорусским церковнославянским текстам, ориентированным на бытование в условиях унии (см.: Будилович 1892, 158–159; Толстой 1998, 371). Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал иезуитский миссионер, также хорват по национальности, Юрий Крижанич, который, осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, написал лингвистические трактаты — «Обяснѣнїе вївѣдно о писмѣ Славѣнском» 1660–1661 гг. (далее — Об.), и «Грамматично изказанїе об

рѣскомъ језику» 1666 г. (далее — ГИ). Согласно сложившейся традиции изучения филологических сочинений Крижанича, хорватский книжник пытался осуществить реформу славянского письма, объединив элементы кириллицы и латиницы, а также предложил план создания «общего» славянского языка на основе русского, хорватского и церковнославянского языков (см. подробно: Экман 1963). Подчеркивая несостоятельность идеи создания «общего» славянского языка, исследователи характеризовали Крижанича не только как «вдохновенного проповедника славянского объединения XVII века», но и как «даровитого неудачника и мученика своих благородных увлечений» (Ягич 1910, 33). Одной из веских причин такой характеристики служит недостаточное внимание исследователей к лингвистической и экстралингвистической мотивации замысла Крижанича и, как следствие, различие языка, являвшегося предметом его лингвистической рефлексии, и языка, на котором он писал многие свои сочинения, а также несоотнесенность его графико-орфографических и грамматических опытов. В этой связи представляется необходимым, основываясь на знании культурно-языковых доминант XVII в., реконструировать лингвистическую рефлексию Крижанича, выявляя ее концептуальную направленность и сопоставляя задачи «реформирования» письма и задачи «реформирования» языка.

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной рефлексии Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслил как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (какое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели, к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать им заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» (Белокуров 1903, 116). Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Крижанич, ссылаясь на авторитет Блаженного Иеронима, предполагал начать именно с «грамматики», желая «полѣзно дѣло сотворити» («ко изправльѣнъ језика»: «Грамаѣично радѣнѣ бѣтѣ потрібно... како блѣжениъ Јеронимъ велѣтѣ: Несподобитсе възгордѣатъ малѣхъ вещьѣ, безъ кобѣхъ велики обстојатъ немогѣтѣ») (ГИ, V).

Возможность осуществления просветительской программы была определена, по свидетельству самого Крижанича, его достаточной языковой компетенцией, позволявшей ему служить «по части языков латинского, итальянского, испанского, хорватского, немецкого и греческого» (Белокуров 1903, 121).

Характер и объем языковой компетенции Крижанича определяли характер и объем его метаязыковой компетенции. Овладение в процессе формального обучения языками как «грамматикой», т. е. системой алгоритмических правил, позволяло Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы мотивировала не только знание лингвистических концепций (*Questione della lingua*), но и возможность распространения концептуализирующей лингвистической мысли на языковую ситуацию Московской Руси. В силу этого свое «граматично радѣнїе» Крижанич рассматривал в рамках общеевропейского филологического процесса XVI–XVII вв., ссылаясь на авторитет Ж. Скалигера (**Julii Caesaris Scaligeri «De causis linguae Latinae libri Tredicim»*), А. Мекерхуса (**Adolphi Mekerchi Brugensis «De veteri et recta pronuntiatooe linguae Graecae commentarius»*) и Г. Кнапского (**Снапис «Thesaurus polonolatinograecus»*): «преже нас обличїша, Скалигер, Мекерхус, и ѿни Критици жи Граматически разсудници... *Ж Кнапскиъ Григѡръ...*» (Об., 72).

Желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашло в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII в. являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации: намерение Крижанича составить «краток список о праведном писаньи... Граматикѹ да Лексикон» (Об., 2) совпало с «государевым повелением» «Алфавит истинны<й> славянского јазика составить и граматикѹ изправить» (Белокуров 1902, 177). Таким образом, в культурно-языковом пространстве Московской Руси Крижанич мог мыслить свои лингвистические труды только как «исправление грамматики» церковнославянского языка, т. е. он «исправлял» грамматику Смотрицкого подобно тому, как эту же грамматику до него «исправляли» и готовили к печати московские справщики Иван Наседка и Михаил Рогов (см. подробно: Schuttrumpf 1978; Запольская 1998; 2003, 183–212).

Понимание позиции Крижанича в культурно-языковом контексте Московской Руси второй половины XVII в. позволяет утверждать, что предметом его лингвистических размышлений являлся церковнославянский язык, понимаемый им как «общий» литургический и книжный славянский язык, — «језик наш сѣь, коьим мѣ книгн пишем и бѡжье слѹжби отправляјем» (ГИ, I). При этом книжный язык, т. е. язык-объект, структурно и функционально отличался от языка повседневного общения, выступавшего в роли метаязыка, на что Крижанич специально указал в предисловии к грамматике. Хорватский книжник пытался писать «общим» языком, т. е. употреблять по мере возможности общие славянские грамматические формы, чтобы достичь большего понимания своих идей в славянском мире: «просѹдїл јесем... говорит (бѣдто общимъ нѣкоьимъ језикомъ) дави отъ всѣхъ бѣло разумљено. Страншцини бо овди никакковиже

ніст ни въ ричѣх ни въ составльѣнїю весїди. А претвори и завершанїа ричем такова избрѣх, коїа сѣт общенїїа, илїти внѣжим нашим отминѣм обична» (ГИ, 0). Однако он не настаивал на подобном «общем» употреблении, а наоборот, рекомендовал носителям разных славянских языков использовать для устного и письменного повседневного общения язык по своему выбору: «А всѣкнѣ пак да говорит и пишет, како липлье бїт сѣдит» (ГИ, 0).

Характер лингвистической рефлексии Крижанича над церковнославянским языком был задан гуманистической филологической традицией, согласно которой функциональная ценность языка определялась его позицией в функционально-генетической иерархии языков, а формальное «достоинство» связывалось с его филологической обработанностью.

В соответствии с филологической традицией Крижанич обратился в первую очередь к функционально-генетическим параметрам славянских языков, поскольку именно функционально-генетический порядок определял для любого языка «свое» место в бытии и истории. В качестве источника славянских языков Крижанич рассматривал русский язык, генетическое главенство которого не требовало, по мнению Крижанича, доказательств, поскольку являлось фактом классического исторического знания, продолженного новой исторической наукой: «...наистарїе, и остѣлним всїм зачѣлно јест львдство и јме Рѣско: и сѣ једїно давнїим Грѣцким и Римским писателем јест бїло познано и чтѣтсе въ стѣрих кнїгах напїсано» (ГИ, I). Генетическая значимость русского языка поддерживалась его функциональной значимостью, поскольку автохтонная авторитетная государственная власть в Московской Руси определяла ситуацию, при которой все государственные дела оформлялись на «своем» языке: «домѣшним језїком внајѣт отпрѣвѣана» (ГИ, IV). «Самовладство» в Московской Руси обеспечило государственную защиту «своего» языка и создало условия для того, чтобы окончательно «стереть плесень древней дикости» и «научиться наукам», на что указывали, по свидетельству Крижанича, все западные политики и историки XVI–XVII вв., являвшиеся приверженцами «римской веры, а не лютеровой епеси» (*Herberstein S. «Rerum Moscoviticarum Commentarii» 1549; Pernisteri «Relatio de Magno Moscoviae Principe». 1579; Possevino A. «Moscovia», 1586; Giovio P. «Libellus de Legatione Basilii magni... ad Clementem» VII, 1525): «Герберштейн, Пернштейн, Поссевино и Джовио были людьми римской веры» (Крижанич 1997, 137, 184–185).

Осмысление функционально-генетических параметров славянских языков позволило Крижаничу построить иерархическую схему, указывающую на бесспорное генетическое и функциональное главенство русского языка:

метом постоянного лингвистического внимания и получили филологическую «обработку» только в грамматике Смотрицкого: «*писмо наше*», как и язык, «*от своего поста́нка никогда́же (ра́звѣ от же́диного Смотри́цкого) ни́тъ бы́ло на разсѣ́женіе възя́то*» (Об., I). Соглашаясь признать лингвистическое усердие Смотрицкого, Крижанич отрицал концептуальные основы его грамматики, определявшей *правильность* церковнославянского языка и письма по подобию греческого языка и письма: «*Мелѣтъ Смотри́тскы дьларадн своѣго трудо́льства, и дья печалности, ко́ѣхъ јест носил про общенѣ ползѣ, пишѣщ Грама́тикѣ, досто́ен јест па́мети и вно́гије хвалн: и бы́л би доспѣл вѣщи наро́дѣхъ пособни́е, даби се не́бил соблазні́л по обзорѣ на Гре́цскыје преводн: и даби не́бил захотѣл на́шего језѣка на Гре́цскыје и на Латѣнскыје ѳзо́ри претварја́т. Вса́кыи во језѣк јма́јет своја властѣта пра́вила, разні́та от јныхъ: и немо́жетсе по јного језѣка ѳзо́рехъ илѣти пра́вилехъ исправля́т*» (ГИ, IV–V). По мнению Крижанича, несовершенство славянского книжного языка и письма было обусловлено, во-первых, влиянием греческого языка и письма, а во-вторых, происходившими во времени и в пространстве изменениями самого славянского языка и письма: «*Рѣцкыи Кньи́жнныи, или Прѣводни́чскыи језѣк... јест мѣшани́на изъ Гре́цеского да Рѣсского дрѣвнѣего*» (Об., IV), «*писмо наше, на при́лику Гре́цеского бы́ти изми́шлено, и не во всѣм приго́же къ на́шеѣ вестѣѣ ѳтворенѣ*» (Об., 2), «*А после то́го Бѣлорѣсци при тисковѣ́ньи Би́блии, Лексико́на, Грама́тики и јныхъ пи́сем много прѣмѣнѣ́нје ѳчини́ша и новѣни́и разма́ити вни́слиша...*» (Об., 3). Соответственно, свою задачу Крижанич видел в том, чтобы способствовать «*изправля́еніѣхъ, изтежа́ніѣхъ, и соверше́ніѣхъ језѣка*»: «*Оби́ ѳво вси́је при́чини ја вно́гокра́т разми́шля́ѣѣщ и просѣ́джа́ѣщ, јѳже да́вни́е от два́дѣсети лі́т, нача́л јесем дѣ́лат и трѣди́тсе въ језѣка изправля́еніѣхъ*» (ГИ, IV–V).

Содержанием процесса, определенного Крижаничем как «*грама́тично радѣ́нје*», должен был стать отбор языковых элементов, направленный на достижение славянским книжным языком и славянским письмом *правильности* и *понятности*, оправданных с точки зрения происхождения («*Вса́кыи во језѣк јма́јет своја властѣта пра́вила, разні́та от јныхъ и немо́жетсе по јного језѣка ѳзо́рахъ илѣти пра́вилехъ исправля́т*» ГИ, V) и употребления (элементы «*повсѣ́дннимъ обича́ем ѳкрѣ́пленыи*», «*по ну́жѣ и съ ра́зѣмом чиня́т разлѣ́ченіе*» Об., 35, 51). В соответствии с данными установками элиминации подвергались языковые элементы, рассматриваемые Крижаничем как заимствования (прежде всего грецизмы — «*обезја́нство по обзорѣ на Гре́цскыи језѣк*»), как неупотребительные элементы («*ни́тъ въ ра́ботѣ ни во ѳжи́ваньи*»), и как употребительные, но порождающие формальную избыточность («*по избѣ́ткѣхъ*») или формальную недостаточность («*нензра́зѣмни*»).

Филологическая работа над «общим» славянским книжным языком и письмом требовала межъязыкового сопоставительного контекста: данные

«русского» книжного языка и русского разговорного языка представлялись в сопоставлении с данными других славянских языков, прежде всего хорватского и польского, которые, по мнению Крижанича как носителя хорватского языка, являли полюсные пути развития, поскольку хорватский язык сохранял «стáроје зачáлноје и чистоје изриканје», а в польском, наоборот, «половина ричѣх јест от њиѣх разниѣтиѣх језиѣков примѣшана» (ГИ, III).

Необходимое «граматично радѣнје» мыслилось Крижаничем как постепенный процесс нормализации и кодификации языкового материала: анализ — «објаснѣнје» («потрѣбно бѣаше о всáкоѣм прѣврáтѣ ѡзвóдно докáзат: от когó, кáко и зáшто бѣ ѹчинѣн сѣѣ прѣврáт»), критика — «облѣченје», кодификация — «кратка правила» (Об., I–II, VI).

Включение лингвистической рефлексии Крижанича в культурно-языковой контекст Московской Руси началось с критики славянской графико-орфографической системы, кодифицированной в грамматике Смотрицкого: размышления хорватского книжника о славянском письме сначала получили выражение в орфографическом трактате, а затем в соответствующем разделе грамматики (см.: Eekman 1967, 18–29; Schmitttrumpf 1978). Обращение Крижанича в первую очередь к графико-орфографической системе было обусловлено тем, что именно графика и орфография всегда являются средством выражения национальной (этнической), конфессиональной и политической идентификации. Принципиальные различия идеологических установок Смотрицкого и Крижанича проявились именно в отношении к славянскому письму, поскольку Смотрицкий, поддерживая ориентацию славянского письма на греческие модели, проводил идею только православного единства, а Крижанич, выступая за возможность равного соотношения славянского письма не только с греческим, но и с латинским письмом, проводил идею христианского единства.

Осуществляя критический разбор славянской графико-орфографической системы, Крижанич следовал универсальной схеме, которая предполагает рассмотрение базисных соответствий букв (графем) и звуков (фонем) и рассмотрение дополнительных ограничений, позволяющих преодолеть избыточность (полиграфемность) и/или недостаточность (полифоничность) базисных соответствий. Полиграфемность, т. е. возможность обозначения одной и той же фонемы или дифференциального признака фонемы разными графемами, может либо сниматься посредством выбора одной графемы, либо ограничиваться посредством введения принципа формальной или семантической дистрибуции. Полифоничность, т. е. возможность обозначения одной графемой разных фонем, также может либо сниматься посредством придания графеме только одного фонетического содержания, либо ограничиваться посредством введения принципа формальной дистрибуции. Разные варианты ограничения полиграфемности и полифоничности являются собой разные орфографические правила.

Рассматривая базисные соответствия славянского письма, Крижанич обратил особое внимание на буквы **ѣ, ѡ, ѣ**, фонетическое содержание которых по-разному воспринималось носителями разных славянских языков:

«**ѣ** Харвѣтом смѣгает И: Сѣрвом Ие; Рѣсом Ие, льѣво **ѣ**: а Лѣхом размаѣто **Ја, Ѧ, Ѣ, Ие...**

Ѧ, Рѣсом смѣгает Ја: Задѣнѣцем **Ѣ: Лѣхом ИѢН...**

Зѣтоже, гдѣколѣн се нахѣдит таково размаѣто и незгѣдно изговѣранје: тѣмо се слѣшно пишѣт **Ѧ**, да **ѣ**» (Об., 32–33),

«**Рѣси **Щ** зовѣт **ШЧА...** А чтѣт **Шч...** Лѣхи вѣздѣ једнѣко съ Рѣсми изговѣрајѣт...рѣзвѣ гдѣ **Нѣ**мци прѣмяниша нѣговоръ въ **Ц...** Сѣрви **Щ** зовѣт **ШТАБ** а изговѣрајѣт бѣдѣто **Тѣ...** Хорвѣти **Щ** зовѣт **ЧѣА...** А чтѣт **Чѣ...** Мѣгли вѣсмо обѣтѣсе вѣз **Щ**: мѣгѣщи јѣго глѣс совершѣно вѣразѣти чертѣнами **Чѣ**, јѣн **Шч**. Аѣн једнѣкоже обрѣтѣна и ѣстѣвљѣна јѣст чертѣна **Щ**: једно зѣто, да се тончѣна **Т** въ нѣѣ прѣмѣнѣает: дрѣго зѣто, да се згѣдно пишѣт **Щ**, въ такѣвих склѣдѣх, гдѣ крѣто незгѣдно и рѣзлично вѣваѣт изрѣчѣнје; кѣкот, **Ноц**, изглѣшајѣт сѣце, **Нѣшч, Нѣц, Нѣтъ, Нѣчь**» (Об., 82–84).**

Особое внимание Крижанич обратил на букву **ы**, которую он считал лигатурой, передающей сочетание звуков [ji]. С позиции носителя хорватского языка Крижанич отрицал существование особого гласного звука, для которого поляки использовали в латинице букву **y**, а русские в кириллице букву **ы**: «**Ы** Ови двѣ чертѣни **ы**, по своем ѣрвом ѣстѣвљѣнјѣ, творѣт ѣѣ склѣд. А Бѣлѣорѣсци почѣтајѣт, **ы**, за чѣстѣ простѣ гласнѣцѣ... Тѣго шѣстого глѣса въ јѣзицѣ нашѣм отнѣѣд нѣт, и бѣти немѣжет. А вѣовѣм Харвѣти, Сѣрви, Болгарѣе, и Чѣхи, о нѣѣм невѣдѣт, ни въ вѣсѣдѣ, ни пѣсмѣ. А ѣ Лѣхов, хѣщѣти въ пѣсмѣ нахѣдитсе рѣчѣнаја рѣзнѣст, да јѣдѣ пишѣт **Ј**, јѣдѣ **У** једнѣкоже вѣд въ вѣсѣдѣ, кѣто опѣсно послѣшает, нѣкакоже необлѣчит ѣнѣ рѣзнѣсти, развѣ што, **Ј**, пишѣтсе тѣмо, гдѣ јѣст трѣба прѣдѣдѣщѣјѣ негласнѣцѣ одѣбѣлѣнт, **У** пишѣтсе, гдѣ нѣт одѣбѣлѣнѣја... Тѣже се дѣѣт и ѣ Рѣсов бѣдѣ на Бѣлѣнокѣ, бѣдѣ на Мѣлоѣ, и Бѣлоѣ Рѣси и мѣжѣ **И** да **Ы**, нѣт ѣнѣ рѣзнѣсти опрѣч ошѣмѣнѣја и отѣнчѣнѣја је негласнѣцѣ» (Об., 12, 50–51).

Стремясь к совершенству славянского письма, степень которого определялась для Крижанича степенью однозначного соответствия между звуками и буквами, он выступал за снятие полиграфемности, прежде всего полиграфемности, мотивированной влиянием греческого письма.

Предложенные Крижаничем изменения в составе славянского письма в первую очередь проявились в исключении кодифицированных Смотрицким греческих букв **ξ, ψ, φ, ι**, употребление которых приводило к написанию грецизмов в соответствии с греческим правописанием:

Смотрицкий «Грамматикн Славенских правнано Вѣнтагма»	Крижанич «Обясненіе вѣводно о писмѣ Славенском»
<p>«ѣ, џ, ѡ, Ѡ Греческихъ согласныхъ, Греческихъ дѣла, и нѣконъ Еврейскихъ и Латинскихъ реченіи взаимована сѣт...»</p> <p>«и, Греческимъ точію реченіемъ ѣсть прикладано...» (л. 11 об.)</p>	<p>«Мѣсто ѡ пиши Т, ѡеодшрос, Теодор. Мѣсто ѣ, пиши КС, Алексјос, Алексѣе. Мѣсто џ, пиши ПС, џалмос, Псалом. Мѣсто и пиши И, Кирјалос, Кирил» (97)</p>

Следствием исключения буквы *v* явилось исключение и диграфа *ou* (=oi): «Всакоју бо мѣроју, бездѣлно вѣт чинитсе, за једну просту гласницу у льбу за једен прѣст глас писат двѣ чертнѣ, oi» (Об., 8).

Точечное совпадение взглядов Смотрицкого и Крижанича выразилось лишь в исключении буквы *S*: «Славенскомъ ѣзыкѣ излишное» (ГС, л. 12) = «Мѣсто S, стави З Сѣло, Зѣло» (Об., 97).

Руководствуясь идеей самодостаточности славянского письма не только в отношении графики, но и в отношении орфографии, Крижанич выступал и против орфографических правил, возникших под греческим влиянием. Прежде всего, Крижанич возражал против кодифицированного Смотрицким принципа семантической дистрибуции дублетных букв, посредством которой снималась грамматическая омонимия. Особое внимание Смотрицкий уделял омонимии по числу, поскольку в грамматико-риторической традиции классических языков неперенным признаком правильности языка считалось «правильное обозначение множественного и единственного числа» (Аверинцев 1996, 385). Основным орфографическим средством снятия числовой омонимии являлись дублетные буквы *o*, *ε*, *Ϝ* / *ω*, *Ϟ*, *ou* и *ь*, *и*, *а* / *ъ*, *ы*, *ѧ* (после непарных *t* и *t'*), которые наделялись смыслоразличительными функциями. Использование орфографического способа для разрешения числовой омонимии было мотивировано ориентацией на греческую модель, в рамках которой буквы *o* / *ω* маркировали формы единственного и множественного числа (см. подробно: Успенский 2002, 326–328). Экстраполирование данного принципа дифференциации грамматических омонимов на славянский материал привело к расширению состава противопоставленных букв и к расширению возможностей их употребления, поскольку славянские книжники реализовали дистрибуцию не только во флексиях, но и в основах, особенно при невозможности дистрибуции во флексиях. Смотрицкий предлагал различать формы единственного и множественного числа имен посредством дублетных букв: *o* // *ω* (И. ед. // Р. мн. суш. м. р.; Т. ед. // Д. мн. суш. м. и. ср. р.) *ε* // *Ϟ* (И. ед. // Р. мн. суш. м. р.; Т. ед. // Д. мн. суш. м. и. ср. р.), *и* // *ѣ* после непарных *t* и *t'* (Р. ед. // И.-В. мн. прилагательных

ж.р.), и//ы после непарных t и t' (Т. ед. // Д. мн. ч. причастий м. и. ср. р.), ъ//ь после непарных t и t' (И. ед. // Р. мн. прилагательных м. р.).

Крижанич отвергал кодифицированный Смотрицким орфографический способ снятия омонимии, поскольку, во-первых, он был ориентирован на греческое письмо, а во-вторых, приводил к нарушению графического облика слова, так как в середине и в конце слова допускались прописные буквы:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскаѣ правилное Сунтагма	Крижанич Обясненје вѣводно о писмѣ Славѣнском
<p>«Є, и ѡ, различествуютъ: ѡномъ в подобныѣ падежеѣ множественныѣ, ѡномъ же Единстве"ныѣ слѣжащѣ: ѡкъ, той клеветѣ, тѣхъ клеветѣ: той творѣ, тѣхъ творѣ: тѣ" твѡце", ты" твѡце": тѣ" мравіѣ", ты" мравіѣ"...</p> <p>Тѡже хранимо Єсть различіе междѡ о, и ѡ: ѡномъ Единстве"ныѣ, ѡномъ множестве"ныѣ слѣжащѣ: ѡкъ, тѣмъ члѣкомъ, ты" члѣкомъ: тѣмъ воинѡ, ты" воинѡ: и про» (л. 9 об. -10)</p>	<p>«...установиша правило, да въ јединичнѣхъ падежѣхъ пишется є да о, а во множиннѣхъ Є да ѡ.... Пред једнимъ чловѣкомъ. Ко трѣмъ чловѣкомъ. Обаче и то вѣаше излѣшина печѣл. А вѡвѣмъ ꙗ Грековъ очивѣста јестъ потреба и причина... различно єо јестъ провлечѣнје гласа, оно кратко, ово долго. ꙗ нас пакѣ тѣе разности нѣтъ, въ такѡвнѣхъ мѣстѣхъ. А къ томѣ јещѣ питаемъ: чѣмѣ Невѣлятъ во множиннѣхъ падежѣхъ потѣомже писатъ вѣлнкого А, да вѣлнкого И? Јавно, чајѣ, поста: како и правило то јестъ бездѣлано и писмо постаѣтъ неслѣчно; аще настѣнемъ, междѣ Дробницами писатъ Грѣвници: то јестъ, Грѣвнѣ чертнѣи междѣ Дрѡнѣи въ срѣднѣхъ рѣчь» (12)</p>

Отказ от семантического принципа дистрибуции дублетных букв мотивировал исключение букв Є, ѡ и, как следствие, исключение лигатуры Ѣ: «хѣдо... пишется Є» (Об., 31), «Мѣсто ѡ пишн о, Нѣкѡн, Нѣкон» (Об., 97), «...нѣдинојѣ мѣројѣ неведѣтѣе писат ѡ и најпаче сего словца, ѡт...» (Об., 9).

Полифоничность, в отличие от полиграфемности, воспринималась Крижаничем как некоторое достоинство славянского письма, поскольку именно полифоничность задавала дистанцию между славянским языком и письмом и греческим языком и письмом. По мнению Крижанича, полифоничность была присуща букве ї, которая выполняла в славянском письме две функции, выступая как выражение гласного звука [i] и согласного звука [j]: «Гласница, ї... ꙗ нѣхъ (Грековъ) не прехѡдитъ въ негласницѣ; а ꙗ нас прехѡдитъ» (Об., 5–6). Сопоставительные контексты, в которых рассматривалась полифоничность буквы ї, не совпадали в трактате и в грамматике: в трактате Крижанич отмечал, что двойное фонетическое содержание буквы їявляет не только пример различия между славянским и греческим письмом, но и пример сходства славянского и латинского пись-

ма, тогда как в грамматике сопоставление с латинским письмом было опущено, что свидетельствовало о динамике адаптации Крижанича в культурно-языковых условиях Московской Руси:

Обяснѣнїе вѣводно о писмѣ Словѣнском	Граматично изказанїе оу рѣскомъ језикѣ
«въ нашемъ, какоути и въ Латинскомъ писмѣ, јестъ чертина двоесѣлна <i>Ј</i> , јногда во јестъ гласница: какоути, Јстина, јногда негласница: какоути, Јајце» (13)	<i>Јота</i> ѿ Грековъ всегда јестъ гласница: а ѿ насъ она нигда гласница: какоути, Јме, Јскра, Јстина, а нигде негласница: кѣт, Јама, Јагода» (213)

Стремясь развести функции буквы *ї*, Крижанич предлагал и разные варианты ее названий: в трактате он называл «согласную» букву *Ја*, а в грамматике «согласная» буква получала название *Јод*, а «гласная» буква стала называться *Јхота*:

Обяснѣнїе вѣводно о писмѣ Словѣнском	Граматично изказанїе оу рѣскомъ језикѣ
«Мѣи, ради разлѣченїа (когда јестъ негласница) хоуцемъ ју називатъ <i>Ја</i> » (13)	«Когда јестъ негласница, зовѣмъ јѣ <i>Јод</i> а когда јестъ гласница, зовѣмъ јѣ <i>Јхота</i> : дѣрзди лѣгльего разлѣмѣнїа» (213)

Особо следует отметить, что буква *ї* употреблялась Крижаничем в двух начертаниях «*ї*» и «*ј*», причем вариант *ј* был более приемлем в условиях скорописи: «Гласница *ї*...» (Об, 5) = «чертина двоесѣлна *Ј*» (Об., 13). Предпочтение, отданное Крижаничем варианту *ј*, обусловило традиционное мнение, согласно которому Крижанич «внес *Ј* в русское правописание, был своего рода предшественником Вука Караджича» (Ягич, 1910, 33), «первым интегратором славянского письма» (Мечковская 1998, 22). Однако Крижанич не мог сознательно вводить *Ј* как латинскую букву, поскольку, во-первых, концептуальное введение в кириллицу элементов латиницы было невозможно в культурно-языковых условиях Московской Руси, во-вторых, Крижанич указал на традицию латинского письма, в которой одна буква передавала и гласный звук [i], и согласный звук [j], а не предлагал использовать букву *ї* для [i], а букву *ј* для [j] по модели гуманистического письма, в-третьих, Крижанич утверждал, что, несмотря на совершенство латинского письма, славяне не могут заимствовать латинские буквы или тип почерка, поскольку славянское письмо в своей основе греческое: «Мѣи поколи Грѣческо писмо Прїяхомъ, Латинского во створѣхъ и лицѣхъ виражатъ неможемъ» (Об., 95). В целях более точного описания и верной интерпретации графико-орфографических предложений Крижанича можно предложить

обозначать букву *ї* как набор графических вариантов — *ĩ* (= *ŷ*) (* при печатном воспроизведении текстов Крижанича по традиции можно использовать букву *ŷ*).

Буква *ĩ* (= *ŷ*), выражая гласный звук [i], вступала в конкурентные отношения с буквой *и*, что вызывало необходимость либо устранить одну из букв, либо дифференцировать их употребление: «**Ови двѣ чертїни, *ŷ*, да и, въ нашемъ ꙗзыцѣ, сѣтъ во всѣмъ једнакоѕїли и мѡгли вѣсмо једнѹ кѹѷуливуѡ заврѣчь, и дрѹтне самѣе ѷживат... Аливѣд, поколи ободвѣ повсѣдньимъ обѷчајемъ сѣтъ ѷкрѣплени мѡжемъ ѷихъ ѷчинивши межѹ нѣми разлїчїе безъ смѷтнїи, и полѣзно ѷживатъ**» (Об., 17). Стремясь сохранить полифоничность буквы *ĩ* (= *ŷ*) и учитывая употребительность обеих букв, Крижанич сформулировал правило, по которому буква *ĩ* (= *ŷ*) употреблялась в начале слова перед согласными, а буква *и* — в середине и в конце слова после согласных. Дополнительное правило касалось лишь союза *и*, а также предлога/приставки *из*, которые в «строчном» варианте оформлялись посредством буквы *и*, а в «прописном» варианте — посредством буквы *Ј*. Предложенное Крижаничем правило должно было заменить «грекоориентированное» правило, представленное в грамматике Смотрицкого, по которому буква *ї* употреблялась перед гласными, а буква *и* во всех остальных позициях (см. подробно: Успенский 2002, 310):

Смотрицкий Грамматїки Славѣнска правнаноѣ Сѷнтагма	Крижанич Објаснѣнїе вѣводно о пїсмѣ Славѣнскомъ
« <i>ї</i> : ни начинаѣти речѣнїа ни ко"чїти: (ра"вѣ речѣнїи странны, ѡкв, ꙗпархъ) но всакї" того"де речѣнїа гласна по не" начинаюци" слогѡ" припрагатїса: ѡкв, влгїи... Согласнѣ же по не" слогѣ начинающѣ в / и, претворатїса: ѡкв, влгїи...» (л.10).	« На почѣткѣ, за гласнїцѹ, всѣгда пишѣ <i>ŷ</i> вѣдъ вѣ грѣвнїцахъ какот, Јвер, Јгра, Јзвѣ... вѣдъ вѣ дровнїцахъ какот, јвер, јгра, јзвѣ... Вѣ среднїѣ, межѹ двѣми негласнїцами, можетсе писатъ <i>ŷ</i> али санчѣнїше јестъ <i>и</i>, какот, Правѣло, Правѣло. А на концѣ всѣма непригоже јестъ <i>ŷ</i> и трѣва пїсатъ и какот, Јзнїчїи, Јзнїти, Јзнїти » (19).

Буква *ĩ* (= *ŷ*), выражая согласный звук [j], формировала лигатуры, необходимость которых была мотивирована, по мнению Крижанича, стремлением Блаженного Кириѡла Солѷнского развести функции буквы *ї*, чтобы облегчить восприятие и произношение носителям не только славянского, но и греческого языка: «**вѣ Грѣческомъ пакъ ꙗзыцѣ отнѣдъ нїтъ негласнїци, *Ј*. Зѣто влѣженнѣ Кириѡ, јли ктѡ ѡ послѣ нѣго, Грѣкомъ на ѷгожѣнїе да вѣи чѹшѣ они мѡгли нашъ ꙗзыкъ правѣе чїтатъ и разумѣтъ, когда се чертїна *Ј* премѣнѣаетъ вѣ негласнїцѹ измїсана јестъ пѣтъ свѣзанихъ склѡдовъ коѷхъ сила јестъ сїцева, *ѡ***

к ю ж ъ» (Об., 14). Установка Крижанича на самодостаточность славянского языка и письма проявилась в предложении заменить «йотированные» лигатуры сочетанием отдельных букв:

«Греком, ко правому чтѣнїю нашее рѣчи, потрібни можейт сѣти ти свѣзи: али намъ словѣнцемъ отнѣдъ нїсѣтъ полєзни: него паче смѣтнїи, забавнїи, и всяко непригожнїи. Аво вѣмъ въ нашемъ язїицѣ, чертїна Ј, гдѣ-коли предъ собоју, ји за собоју, јмаетъ кѣјѣ гласнїцу, всѣгда јестъ негласнїца: и нашнїци тако јѣ изговарајѣтъ...

ѣа стоїтъ за ја: јама, јама

к стоїтъ за је: кѣзеро, јѣзеро

ы стоїтъ за ји: ыствина, јїствина

ю стоїтъ за јо: юкати, јокати

ж стоїтъ за јѣ: жтро, јѣтро» (Об., 14)

Обращаясь к характеристике лигатур, Крижанич рассматривал и представленную в грамматике Смотрицкого зону полиграфемности, в которую входили эти лигатуры: **к-ѣ**, **ѣа-а**, **ю-ж**.

В паре **к-ѣ** Смотрицкий характеризовал букву **к** как неупотребительную, а букву **ѣ** как употребительную, Крижанич же считал недопустимым употребление буквы **ѣ**, поскольку в позициях середины и конца слова она нарушала графический облик слова:

Смотрицкий Грамматїки Славѣнскїа правнаноє Сѣнтагма	Крижанич Објаснѣнїе вїводно о писмѣ Словѣнскомъ
« ѣ нѣшнїми писци ѡстависа, мѣсто ѣгѡ навѣшающѣ/ ѣ : сїре», ѣ стѣ...» (л.11)	« ѣ находитсе въ старїихъ кнїгахъ; а на обїцїе работїи јестъ вїглажено: тїмъ што и непотрѣбно, и въ писанїи мѣдно да неслїчно вїти се јавлѣаетъ. Хѣдо пакъ мѣсто к пишѣтсе ѣ ; право Јѣ . Непїшї адда клен, нїгнї ѣ лен, него Јелен » (31).

В паре **ѣа-а** Смотрицкий признавал обе буквы употребительными и кодифицировал правило их дистрибуции, по которому **ѣа** употреблялась в начале слова, а **а** в середине и в конце слова. Крижанич, рассматривая фонетическое содержание буквы **а** в сопоставительном славянском контексте, вообще не считал ее дублетом **ѣа**:

Смотрицкий Грамматїки Славѣнскїа правнаноє Сѣнтагма	Крижанич Објаснѣнїе вїводно о писмѣ Словѣнскомъ
« ѣа , и а , различествѣютъ ѣ номъ со предїи реченїи, ѣ вомъ во средѣ и въ концїи полагаемъ ѡбкѡ, ѣ авлѣшесѣ...» (л. 11 об.).	« А отъ мнозихъ јемлѣетсе за Ја , льѣво Ја ... Али межѣ, А , да Ја , јестъ разност... во всѣакомъ мѣстѣ, гдѣ слїшно и достѣжно пишѣтсе...; тамо Задѣнајци изговарајѣтъ просто ѣ : а не Ја » (30-31).

Пара ю–ж, по мнению Смотрицкого, представляла особую сложность, поскольку ю изменила свое фонетическое содержание: в силу отсутствия в славянском языке сочетания [jo], она стала выражать сочетание [ju] и начала конкурировать с буквой ж, которая с течением времени вышла из употребления. Крижанич, признавая, что буква ж вышла из употребления, категорически не соглашался с мнением Смотрицкого об отсутствии в славянских языках сочетания [jo] и предлагал, соответственно, для [jo] использовать сочетание букв $\dot{\text{r}}(=\text{j}) \text{ o}$, а для [ju] сочетание букв $\dot{\text{r}}(=\text{j}) \text{ y}$.

Смотрицкий Грамматики Славенския Правилане Сунтагма	Крижанич Обяснение введено о писме Словенском
<p>«Ю, древле изглашашеса ѿкоже то латинское/ в реченіх, їоръ юры... и в си^м подобны^х ннѣ же Ёдинакоє со ж има^т изглашеніе. Не шбрѣтающимъ ко сѧ Славенскагѡ діалекта слогѡ на ѿ, в мѣсто самагѡ ю Латинскагѡ оупотребляема бываю^т: ѿкѡ, стою, или стож. Време^не дѣаче наши^х писцами ж, ѡтню^а ѡстависѧ, мѣсто егѡ ю, дово^нѣ навешающѣ. в Руски^х же реченіх Ѱ Лавскагѡ и Латинскагѡ ѧзыка привешн^х и іе, и ю во свое^м има свойстве^не хранима быти и ннѣ: ѿкѡ, пахоліе, ліосъ, маѡртгас...» (л. 11–11 об.).</p>	<p>«Ж стоит за Іу; али из работи и обичаја вѣ опущено... и сицева чертина, Ж, претрудна верло и непригожа къ писанію.</p> <p>Али еднакоже несдѣшен из того настѧ обичаѡ, што мѣсто Ж, льубо Іу, вси пишут Ю. А то за^то (како правит Смотрицкий) што в Словенско^м рѣчи нит склада Јо и затим сѣдит он, без непригѡдја писатсе Ю, мѣсто Іу. Али та причина неовстаѣт: аковѣм склад Јо шбрѣтаѣтсе в Руском ѡбичем завлаченъи; какогѡ, Мојо... Ј в Лешком... Ј в Задунѧнских... Ј в писмѣ свѧтом... Јосиф... За^тоже трѣба јест складу, Јо, ставит ѡегов властити^н глас: и в мѣсто Ж, неписат Ю, него Іу...» (29–30)</p>

«Освобожденная» из лигатур буква $\dot{\text{r}}(=\text{j})$, выражая согласный звук [j], вступала в конкурентные отношения с буквами $\dot{\text{n}}$ и ь , что требовало либо выбора одной буквы, либо дистрибуции букв. Крижанич решительно выступал против употребления буквы $\dot{\text{n}}$, поскольку диагностическим признаком ее основы, т. е. буквы n , было функционирование только в роли буквы, обозначавшей гласный звук: «Чертина, n , всѣгда јест гласница; и никогда же непрехѡдит в негласницу... Бѣлорѣсци недостѡдно сѣу чертину^ю во мнози^х мѣстѣх почитајут за негласницу; и надписѣјут над ѡнејѣ овлачок; сице, Мѡй, Рай, мѣстѡ, Мѡѣ, Раѣ» (Об., 17).

Сохраняя две равноупотребительные буквы $\dot{\text{r}}(=\text{j})$ и ь для выражения звука [j], Крижанич сформулировал правило, по которому буква $\dot{\text{r}}(=\text{j})$ употреблялась в начале слова перед гласными и в середине слова после

гласных и перед гласными, а буква ь использовалась в конце слова после гласных: «На почя̀ткъ, пред гласни́цами; ка́кот, Я́рост, Језе́ро... Ме́жу двѣми гласни́цами; ка́кот, Мо́ја, да́ѣт. После негласни́ци пред гласни́цею; ка́кот, Ла́дја, Пла́тје... После гласни́ци, пред негласни́цею; ка́кот, Да́йте, Ско́рѣше... Ли́ше на концѣ, после гласни́ци... сли́чнѣше́ же́ст пи́сат ь; ка́кот, Кра́в, Рѣ́чь, Зми́в, Сто́в, Чѹ́в» (Об., 19–20).

Следствием предложенных Крижаничем инноваций явилось и различие взглядов Смотрицкого и Крижанича в выборе средств выражения оппозиции твердых и мягких согласных. Крижанич отказывался от представленного в грамматике Смотрицкого противопоставления букв ъ // ь, полагая, что использование двух графических элементов, во-первых, избыточно, а во-вторых, снимает различия в функциональном статусе ъ и ь:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнска правилное Фунтагма	Крижанич Обяснѣнје вѣводно о писмѣ Словѣнском
«ѡ, ѣ ь: в" са́мо" то́чию ко"ци рече́нїа оупотре́лаема вываю́тъ: ѡ... в" ѡде́ленїе со́гласнагв рече́нїе ко"ча́цагв: ь/ же во ѡто"че́нїе» (л. 10 об.)	«зна́к ѡ на концѣх рѣ́чьем же́ст совсѣм непотре́бен...» (67); «ь негласни́ца» (13), «ѡ полу́глас- ни́ца» (67).

Крижанич не считал ѡ буквой и функционально приравнивал его к апострофу, который допускался в предлогах для указания на книжное произношение, противопоставленное живому произношению (см. подробно: Успенский 2002, 147), и в сочетаниях типа тьрт для указания на возможность носителям разных славянских языков произносить либо гласные, либо слоговой сонорный: «Пра́внїв пак ѹжиток полу́гласни́ци Ъ́ же́ст си́цев: да се пи́шет та́мо, гдѣ ви́ жма́ла сто́ят ка́ја гласни́ца, и она́ бу́дет опу́щена; ка́кот, Вѣ́ кѹпѣ... мѣсто́ во кѹпѣ... Же́щѣ и дру́го же́ст ѹжи́ванје чертїни Ъ́. Трѣ́ва во зна́ти, же́ вѣ́ на́шем јязи́цѣ гдѣ́коли јскер чертїни Р, послѣ́дуе́т ка́ја негласни́ца: та́мо ви́вае́т ра́злично изре́че́нје; ка́кот, Грло, Горло, Гарло, Герло: и вѣ́ та́ковнѹх мѣ́стѣх при́гоже́ се пи́шет Ъ́; ка́кот, Гѣ́рло...» (Об., 68).

Особенность буквы ь, по мнению Крижанича, заключалась в том, что она могла выражать звук [j] и обозначать мягкость предшествующего согласного, тем самым она вступала в конкурентные отношения с буквой ĭ (=j). Поскольку основная функциональная нагрузка при передаче звука [j] лежала на букве ĭ (=j), средством обозначения мягкости на письме стала буква ь, которая могла образовывать с предшествующей согласной лигатуру: «Ь, после негласни́ц неизговѣ́рае́тсе ви́ра́зно: него́ се сли́вае́т съ предїду́щею негласни́цею вѣ́ једнѹ́ чертїнѹ; и всѣ́гда причїтае́тсе съ не́ею

къ ꙗѣдномуꙗ склѣдѹ: и из тонкѣе творѣтъ шѣмнѹ... » (Об., 20). Соответственно, нельзя согласиться с распространенным мнением, согласно которому Крижанич не только «впервые кодифицировал *ј* в кириллице», но и именно «у Крижанича, как потом у Караджича и Гая, *ј* помимо звука [j], передает мягкость предшествующего согласного: *хотѣја, разорѣат*» (Мечковская 1998, 9).

Стремясь к совершенству и самодостаточности славянского письма, Крижанич предложил орфографические правила, которые образовывали строгую систему, демонстрирующую функциональное равновесие элементов славянского письма:

[i]	<i>ї</i> (≠ <i>ј</i>) в начале слова <i>перед согласными</i>	и в середине и в конце слова <i>после согласных</i>	
[j]	<i>ї</i> (≠ <i>ј</i>) в начале слова <i>перед гласными</i> ; в середине слова <i>после гласных и перед гласными</i>		ь в конце слова <i>после гласных</i>
[ʲ]			ь <i>после согласных</i>

Желая облегчить процесс обучения чтению, Крижанич предложил заменить сложные названия славянских букв односложными, т. е. ввел принцип называния букв по греческой и латинской модели: «*Мѣ поколи Грѣческо писмо Прѣяхом, Латинского во створѣх и лицѣх виражѣт неможем: али во ѣменѣх чертѣнних, мѣжем и ньѣго Римского и въ кѣпѣ Грѣческого наслѣдовати лѣче, неже доселѣ. То јест да чертѣнам издѣнем ѣмена пристѣјнеша: рекши једносклѣдна и Простѣ: ради полегчѣнѣја ѹченииком. Лѣгше бо јест считат склѣди простѣми, неже дѣблѣми и множесклѣдними ѣменми. Зѣто ведле Грѣческого и Латинского ѣменовѣнѣја, скратѣвши рѣчи, и лѣшние склѣди отсѣкши, сѣце мѣжем читат азбѣкѹ... ведле Грѣческого ... бѹ... ведле Латинского... бѣ... » (Об., 96).*

Поскольку графико-орфографическая система включает помимо букв знаки препинания и знаки ударения, Крижанич коснулся в своем критическом разборе и вопросов славянской пунктуации, и вопросов славянского ударения.

Различие взглядов Смотрицкого и Крижанича в области пунктуации проявилось в составе, функциях и названиях знаков препинания.

Крижанич считал функционально тождественными знаки «/» и «,» и предлагал исключить знак «/» в силу его неупотребительности в греческом и в латинском письме:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правнаноѣ Сѣнтагма	Крижанич Обясньѣнѣ вѣводно о писмѣ Словѣнском
«Черта полагаѣтсе по начатомъ главнѣмъ въ малѣ востогненомъ Вдохомъ ѡбаче не препатомъ. По чертѣ полагаѣтсе запатаа Вдохомъ въ малѣ глѣмое востогнаю- щиаа и препинающаа» (л. 18)	«Смотрицкнѣ за разницѣ подаѣет два знака: черту / и запятѣу ;, али то без потреби сеѣ во знак /, јли черта, ни Греком ни Латинномъ нѣтъ равотѣ ни во ѹживаннѣ» (99).

Разные авторитетные модели были использованы Смотрицким и Крижаничем для выбора знака вопроса: Смотрицкий в соответствии с греческой моделью использовал знак «;», а Крижанич в соответствии с латинской моделью предложил знак «?»:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правнаноѣ Сѣнтагма	Крижанич Обясньѣнѣ вѣводно о писмѣ Словѣнском
«Вопроснаа ;» (л. 18)	«Знак Питатѣн ?» (100) «Половинца ; словоѣ Латинномъ знак ... Половинннѣ... ѹживаемъ жеѣ во мнозихъ мѣстѣхъ, а најпаче гдѣ се бесѣда нѣкако на двѣ половинѣ, јли на два разумѣ раздѣляет... А знакъ сеѣ половинннѣ ; Греци пишѣтъ за знакъ Питанѣа» (100).

Крижанич подверг также критике представленный у Смотрицкого термин «двоточѣе», поскольку не находил для него славянской словообразовательной модели:

Смотрицкий Грамматѣки Славѣнскиа правнаноѣ Сѣнтагма	Крижанич Обясньѣнѣ вѣводно о писмѣ Словѣнском
Двоточѣе : (ГС, л.18)	«Двѣ точки реци, јли двѣ Пѣки; а неназѣиваѣ Двоточѣе: нѣтъ во то рѣчъ Словѣнска. Авовѣмъ никто неговорит, Двоточѣе, Дворѣчѣе, Двоножѣе, Двомѣжѣе него Двѣ очи, Двѣ рѣци, Двѣ нози, Два мѣжа» (99).

Затрагивая в конце своего критического очерка вопрос славянского ударения, Крижанич отметил, что польское ударение «испорчено» немецким влиянием, русское отчасти «испортилось» польским влиянием,

отчасти греческим влиянием, сербский язык слишком растягивает долгие гласные, и только хорватский язык сохранил правильное ударение, да и то не везде (о хорватском ударении см. подробно и ср.: Шахматов 1895, Нант 1974): «Лѣшко завлѣченје јест скажено из Нѣмѣскогo», «Рѣско завлѣченје јндѣ јест смѣщено изъ Лѣшкогo... јндѣ из Грѣческогo», «Сѣреско завлѣченје ... непрстојно дoлго склади разтѣжет», «въ сѣмом једином Харвѣтском ѣзговорѣ, слншатсе јещце влѣди правилани, и ѣзконноу Словѣнскоу бесѣдѣ властити. Ј то нѣ вездѣ, него лише межѣ Колпоју и Волноју рѣками, въ Бахѣцкомѣ ѣјездѣ: въ нѣконѣх горовѣтнѣх мѣстѣх» (Об., 105–106).

Однако Крижанич не настаивал на введении в общее употребление хорватского ударения и рекомендовал носителям разных славянских языков придерживаться своего ударения: «... всѣкому на волю остает, по своем домовинном обичаѣ завлѣчит, и влѣки надписоват» (Об., 107).

Таким образом, предложенные Крижаничем «исправления» славянской графико-орфографической системы сводились к следующему:

1. сокращение состава славянского письма за счет исключения греческих и неупотребительных славянских букв (ξ , ψ , ϕ , ν , ov , w , $\tilde{w}$, s , h , ϵ , κ , μ , ρ),
2. отказ от орфографических правил, возникших под греческим влиянием ($o // w$, $\epsilon // \epsilon$; $\tilde{i} // n$),
3. введение новых орфографических правил, отражавших особенность славянского письма ($[i] \text{ — } j (=i) // n$; $[j] \text{ — } j (=i) // b$; $[r] \text{ — } b$),
4. введение принципа называния букв по греческой и латинской модели,
5. изменение состава и характера знаков препинания с учетом латинской модели (исключение знака «/», введение знака «?» как знака вопроса),
6. рекомендация носителям разных славянских языков использовать знаки ударения, отражающие особенность их славянских языков.

Графико-орфографические опыты Крижанича, представленные в орфографическом трактате, явились концептуальным и практическим прологом грамматических опытов, реализованных в грамматике. *Правильность и понятность* «русского» книжного языка достигалась посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для русского и хорватского языков. Идея формально-семантической самодостаточности «русского» книжного языка мотивировала снятие формально-семантической грецизации (см. подробно: Запольская 1998; 2003, 97–148, 184–203). Таким образом, Крижанич не пытался осуществить *реформу* славянского письма, объединив элементы кириллицы и латиницы, и не *создавал «общего» славянского языка*, а лишь *исправлял* славянское письмо и церковнославянский язык, понимаемый им как «общий» славянский книжный язык.

Принято считать, что лингвистические сочинения Крижанича не вызвали интереса у московских книжников и что «открытие» Крижанича состоялось только после публикации его сочинений в XIX в., в контексте панславизма. Однако, несмотря на различия во взглядах на церковнославянский язык, характерные для «греко-славянского» и «латино-славянского» пространств, московские книжники интересовались лингвистическими опытами Крижанича, о чем свидетельствует наличие его лингвистических трудов в авторитетных книжных собраниях. Так, грамматика Крижанича была в библиотеке Никифора Симеонова, участвовавшего в никоновской и иоакимовской книжных справах (Бессонов 1870, 150), а орфографический трактат находился в библиотеке тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, участвовавшего в петровской книжной справе.

Создавая свои лингвистические труды для «*расмотрѣнїа людѣмъ разумнѣмъ*», Крижанич реально способствовал языковой встрече двух культур — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, следовательно, Крижанич вряд ли может быть назван «неудачником и мучеником своих благородных увлечений», а его лингвистические сочинения «недоразумением», поскольку «такого рода недоразумения суть едва ли не обязательное условие при встрече различных культур; если бы не было взгляда извне, которому все видится несколько иначе, чем взгляду изнутри, не было бы и встречи» (Аверинцев 1996, 52).

ИСТОЧНИКИ

- Крижанич 1859/1976 — *Граматично изказанїе ок рѣскомъ језикѣ* / Изд. О. М. Бодянский. М., 1859 (Abdruck der Erstausgabe besorgt von G. Freidhof. Frankfurt am Main, 1976).
- Крижанич - *Обяснѣнїе вїводно о писмѣ Словѣнскомъ*.
- Смотрицкий 1619/1979 -- *Граматїки Славѣнскїа правїаное Сїнѣтагма*. Ску. 1619 (Переиздано: Киев, 1979).

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996.
- Белокуров 1902, 1903 -- *Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России (по новым документам)*. М., 1902, 1903.
- Бессонов 1870 --- *Бессонов П. А. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение*. 1870. № 1.
- Будилович 1892 -- *Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы*. Варшава, 1892. Т. 2.
- Запольская 1998 --- *Запольская Н. Н. Модели «общеславянского» литературного языка XVII-XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации*. М., 1998. С. 267-295.

- Запольская 2003 — *Запольская Н. Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.
- Запольская 2003а — *Запольская Н. Н.* Книжная справа в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 267–295.
- Мечковская 1998 — *Мечковская Н. Б.* Типология графико-орфографических реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и социосемантические аспекты. Минск, 1998.
- Толстой 1998 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. Т. II.
- Успенский 2002 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Шахматов 1895 — *Шахматов А. А.* Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударе. РФВ. Варшава, 1895. Т. XXXIII, XXXIV.
- Экман 1963 — *Экман Т.* Грамматический и лексический состав языка Ю. Крижанича. *Dutch Contributions to the V International Congress of Slavists.* Sofia, 1963. С. 43–77.
- Ягич 2003 (1910) — *Ягич И. В.* История славянской филологии. (Репринт. изд.: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. СПб., 1910). М., 2003.
- Eekman 1967 — *Eekman T.* Juraj Krizanic et ses idees sur l'orthographe des alphabets latin et cyrillique // *Slovo.* Zagreb, 1967. Br. 17. S. 60–94.
- Hamm 1974 — *Hamm J.* Prosodijski sistem Krizaniceva govora // *Život i djelo Jurja Križanica.* Zagreb, 1974. S. 212–238.
- Schutrumpf 1978 — *Schutrumpf M.* Das Grammaticno izkazanje ob ruskom jeziku von Juraj Krizanic. Aufbau und Vergleich mit Smotyckyjs ksl. Grammatik. Frankfurt am Main, 1978.